

К 180-летию со дня рождения М. И. Глинки

МУЗЫКУ СОЗДАЕТ НАРОД

ПЯТЬ ЛЕТ без пяти дней разделяют даты рождения Пушкина и Глинки. Сам по себе этот факт, конечно, не более чем случайное совпадение. Но параллель Пушкин — Глинка, принадлежность обоих русских гениев к одной исторической эпохе знаменательна.

Становление русской художественной классики было стремительным. Связанное со взлетом национального самосознания после победы над полчищами Наполеона в Отечественной войне 1812 года, питавшееся революционными идеями декабристского движения, оно протекало необычайно динамично и интересно, дав миру всего лишь за несколько десятилетий плеяду талантов первой величины.

И все же литература и музыка оказались при этом в особом положении: Пушкин и Глинка были гениями редчайшими по си-

ле дарования, по глубине художественного мышления. Они творили практически одновременно, исходя из одних и тех же идейно-эстетических позиций, достигали оба высочайшего совершенства.

Пушкина справедливо называют создателем русского литературного языка классической поры. Глинку с не меньшим основанием можно считать создателем интонационного языка русской музыкальной классики. Пушкин впервые в русской литературе утвердил торжество метода художественного реализма, основанного на органической глубинной народности искусства, раскрыл его плодотворность и выразительную силу. Глинка сделал то же самое применительно к музыке. Оба они достигли тех творческих высот, когда художник столь глубоко отображает проблемы жизни,

что прозревает само будущее, когда он создает шедевры поистине бесценные, над которыми не властно время. Наконец, и Пушкину, и Глинке органически свойствен художественный оптимизм, восприятие жизни во всей ее многомерной полноте и порой трагической противоречивости, но в целом окрашенное уверенностью в победе сил добра над силами зла, великой ценностью героических деяний. И потому их искусство солнечно, радостно, гармонично своей своей близко античным классическим образцам.

На первый взгляд творческое наследие Глинки скромнее не обозримо богатой пушкинской поэзии и прозы. Великий мастер русской литературы творил буквально во всех ее видах и жанрах и всюду оставил нам бесценные вдохновения своего гения. Но Глинка также явился

родоначальником едва ли не всех жанров русской классической музыки.

Первые годы творческого пути Михаила Ивановича Глинки отмечены активной работой в сфере романса, камерных инструментальных пьес и ансамблей. Немало произведений этих лет являются подлинными жемчужинами вокальной лирики, инструментальной миниатюры. Примечательно, что истинная художественная ценность их все полнее раскрывается в советские годы. Сейчас они все шире и прочнее входят в концертный репертуар. В немалой мере их популярности способствовал вдумчивый труд ряда крупнейших советских музыкантов по редактуре и завершению некоторых клавиров и партитур Глинки (часть его ранних произведений дошла до нас в неоконченных рукописях). Первыми из них назовем виднейшего композитора В. Шубалова и выдающегося артиста В. Борисовского.

ИСТОРИЯ вершинных творений русской музыкальной классики по справедливости начинается оперой Глинки «Иван Сусанин». Непосредственным литературным первоисточником для композитора явилась в данном случае одна из «Дум» казенного поэта-декабриста Рылева: это тоже примечательный факт. Крупнейший музыковед той эпохи В. Одоевский писал, что «с оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе, — новая стихия в искусстве и начинается в его истории новый период: период русской музыки. Такой подвиг, скажем полага руку на сердце, есть дело не только таланта, но гения!»

Что нового внес «Иван Суса-

нин» в развитие мировой оперы? Глинка первым из всех композиторов сделал центральным персонажем героико-трагедийного эпического произведения человека из народа. При этом мы видим, сколь богат душевный мир русского крестьянина. Сусанин показан и как любящий отец, и как сердечный друг своих односельчан, и как герой-патриот, чья стойкость перед озверелым врагом несокрушима. От «Сусанина» тянутся нити к историко-эпическим операм Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина. Поразительны мелодические красоты его партитуры, совершенство глинканской полифонии (она ярко раскрывается в ансамблях и хоровых сценах оперы), тембровой палитры оркестра. Но самое главное в этом гениальном сочинении — глубинное раскрытие русского национального характера. Об этом хорошо сказал академик Б. Асафьев: «В музыке «Ивана Сусанина» чувство родины является основным... Музыка Глинки, проникнутая чутким знанием русского сердца, вызывает самые прекрасные, самые высокие помыслы о человеке, о том, чем всегда было озабочено русское искусство: красота самого совершенного мастерства немислима, если оно не народно». Да, музыка Глинки именно народна. Великий композитор даже сказал однажды: музыку создает народ, а мы, композиторы, ее только аранжируем.

Парадоксальность этого утверждения вызывала порой попытки подвергнуть сомнению его истинность, особенно со стороны противников реализма художественного творчества. Однако по существу мысль Глинки очень точна, не нужно только пони-

мать ее буквализми. Незыблемой основой реалистической музыки является народное творчество — оно создает ту живительную интонационную атмосферу, в которой легко и вольно мелодической фантазии композитора. Термин «аранжировка» Глинка понимал отнюдь не как лишь гармонизацию народных песни, а как творчески активное претворение и развитие ее музыкальных образов, обогащение их всем арсеналом выразительных средств композиторской техники и мастерства.

Один из ярчайших примеров этого — вторая опера Глинки «Руслан и Людмила», явившаяся одновременно вкладом в сокровищницу музыкальной Пушкинианы — вкладом первым и поистине бесценным!

Но сценическая жизнь гениальных опер Глинки была трудной с самого начала. Аристократия, придворные круги третируют его музыку, высокомерно отрицали ее достоинства. «Это — нучерная музыка», — пренебрежительно говорили про «Ивана Сусанина», на что Глинка заметил, что «это хорошо и даже верно, ибо нучера, по-моему, дельнеее господ». Сложной была и судьба «Руслана и Людмилы». Исполнительские постановочные трудности ее партитур, гигантский масштаб ее приводили к тому, что оперу сокращали, ставили с большими купюрами. И лишь в советское время — в последней постановке Большого театра СССР — этот оперный шедевр получил достойное воплощение.

Вторая опера Глинки важна и в том отношении, что с нее начинается чрезвычайно характерная для русской музыкальной классики традиция плодотворных взаимовлияний различных национальных музыкальных культур. Все наши композиторы-классики в своем творчестве

были истинными интернационалистами, что сказывалось в творении и развитии ими характерных мелодических образов, интонаций национальных музыкальных культур народов Востока. Традиция эта получила широчайшее динамичное развитие в советской многонациональной композиторской школе.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, что основоположник нашей национальной музыкальной классики углубил этот метод интернационализации взаимосвязей различных интонационных комплексов, характерных для композиторских культур разных народов, и в своих симфонических произведениях. Его две испанские увертюры — ярчайший тому образец. Обе полны чарующих музыкальных красот. Проникновение Глинки в существо испанской народной музыки здесь носит истинно глубинный характер. И еще одно его симфоническое произведение необходимо упомянуть в этой связи — знаменитую «Камаринскую».

Чайковскому принадлежат знаменательные слова: «Не меньше проявление необычайной гениальности есть Камаринская... Русских симфонических сочинений написано много, можно сказать, что имеется настоящая русская симфоническая школа. И что же? Вся она в Камаринской, подобно тому, как весь дуб в желуде!»

Без малого сто лет прошло со времени этой скромной дневниковой записи Чайковского, которой суждено было стать одной из самых ярких характеристик симфонической музыки Глинки. В равной мере это можно было бы сказать и о других сочинениях Глинки. Вспомните его ро-

мансы. Хотя бы «Я помню чудное мгновение...» Какая гармония и стройность! Какая необычайная мелодическая красота! Поистине ювелирная отточность каждой фразы, каждого штриха! Вот подлинно чистойшей прелести чистойшей образец.

Эта крылатая фраза Пушкина так и просится быть поставленной рядом со многими сочинениями гениального русского композитора. К примеру, с бесмертным «Вальсом-фантазией». И опять-таки оркестровая пьеса эта вместе с танцами из «Ивана Сусанина» и «Руслана и Людмилы» открыла в русском симфонизме «стихию вальса», давшую позднее от Чайковского и Глазунова вплоть до Прокофьева, Шостаковича, Арама Хачатуряна, Хренникова, Кара Караева столько бесценных красот нашей музыке.

ВЫДАЮЩИЙСЯ русский критик В. Стасов в год смерти великого русского композитора писал: «Россия признает уже Глинку в числе великих сыновей своих. Быть может, немного времени пройдет, как и вся Европа станет произносить его имя...» Действительно, творчество Глинки признано одним из вершинных достижений мировой художественной классики. Созданный им мир звуков и образов столь прекрасен, столь совершенен, что навсегда обогатил музыку — чудеснейшее из искусств, не требующее перевода, идущее от сердца к сердцу.

Иннокентий ПОПОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР, секретарь правления Союза композиторов РСФСР.